
ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 781.7(=511.143)(=511.142)
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

Обско-угорский бубен: морфология, органофония

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению шаманского бубна хантов и манси с точки зрения этномузыкологии. В составе обско-угорского бубна обнаружено несколько более простых звуковых орудий: мембранофон и разные виды погремушек. Установлено влияние морфологического, физического и исполнительского факторов на звуковой потенциал инструмента. В шаманских обрядах обских угров звучала также цитра – на ней исполнялись мелодии духов. Для коммуникации с ними применялась доска со стрелами. Ансамбль из цитры и доски со стрелами является заменой бубна в ритуале. Автор предполагает, что бубен и дуэт цитры и доски со стрелами в обрядовой культуре обских угров имеют разные исторические, географические и этнические корни.

Ключевые слова

ханты и манси, шаманский бубен, этноорганология, фоноинструмент, идиофоны

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Обско-угорский бубен: морфология, органофония // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 162–177. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

© Г. Е. Солдатова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Folklor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Ob-Ugric drum: morphology, organophony

G. E. Soldatova

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to ethnomusicological consideration of the shamanic drum of Khanty and Mansi (Ob-Ugric peoples). The study is based on the publications of ethnographers, open access video and field materials of the author. An important role in the work is given to special folk terminology related to the structure of the instrument and its name. The author found that the Ob-Ugrians' drum is a composite musical instrument, its components are simple sound instruments: membranophone and several types of idiophones (rattles). The handle and hammer are often called "spoon" and "arrow" or otherwise, but these names are not strictly assigned to them; they may have been interchangeable in the past. Three factors influencing the sound potential of the instrument have been identified: morphological (two resonator cavities and many pendants), physical (wood material, membrane temperature) and performance (the position of the drum and the shaman when playing). In many shamanic rituals of the Ob-Ugric peoples, other instruments were also played: the zither (on which personal melodies of the spirits were played) and the board with arrows (for transmitting "messages" from the spirits to the participants of the ritual). The zither and the board with arrows could completely replace the drum in the ritual. The author suggests that the Ob-Ugric drum is an instrument of late origin, and the use of the drum, zither and the board with arrows in the ritual culture of Khanty and Mansi has different historical, geographical and ethnic roots.

Keywords

Khanty and Mansi, shamanic drum, ethnoorganology, phonoinstrument, idiophones

For citation

Soldatova G. E. Obsko-ugorskiy buben: morfologiya, organofoniya [Ob-Ugric drum: morphology, organophony]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 162–177. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

Введение

Бубен обских угров, как и других коренных народов Сибири, является важным инструментом коммуникации человека с миром духов. Как атрибут шаманских ритуалов, он привлекал внимание многих путешественников, ученых, краеведов, и упоминания о нем в контексте сообщений о культовой практике хантов и манси встречаются довольно часто. Подробные этнографические описания обско-угорского бубна выполнены К. Ф. Карьялайненом [Карьялайнен, Лукина 1996: 194–196], Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 1961, 1981], И. Н. Гемуевым [Гемуев 1990: 102], А. В. Бауло [2024а, 2024б] и др. Большая подборка материалов по шаманству, а также каталог бубнов, зафиксированных у северных групп хантов и манси, содержится в недавно вышедшей книге А. В. Бауло [2024а]. Каталог, включающий 45 бубнов (далее – Каталог), в том числе двенадцать, публикуемых впервые, дает представление об их строении, разнообразии и распространении по северу Югры.

За последние сто лет подготовлено несколько серьезных исследовательских трудов о бубнах народов Сибири. Прежде всего, это статья Н. П. Дыренковой о шаманских атрибутах тюркских этносов, написанная в 1930-е гг. и опубликованная лишь в 2012 г. [Дыренкова 2012]. В этой работе затронуты многие проблемы исследования бубна. Неслучайно вскоре после ее публикации появились статьи, продолжающие разработку темы: о семантическом родстве шаманских атрибутов [Нам 2015] и о фоноинструментах шаманов Южной Сибири [Сыченко 2019]. Две работы Е. Д. Прокофьевой, написанные позже трудов Н. П. Дыренковой, но вышедшие гораздо раньше, существенно повлияли на формирование представления о бубнах обских угров и селькупов [Прокофьева 1961, 1981]. Большой массив фактического материала и его обсуждение опубликован в статьях Р. Б. Назаренко [1995, 1998] и монографии Ю. И. Шейкина [2002], написанных на основе материалов экспедиций к хантам. Важными представляются также статьи О. Э. Добжанской о бубнах северных самодийцев [2009, 2016]. Идеи и данные, содержащиеся в упомянутых работах, в том числе о заменах бубна в ритуальной практике, его связях с простыми инструментами, очень значимы для проблематики настоящей статьи.

Поскольку бубен хантов и манси изучался преимущественно этнографами, а музыковеды рассматривали его в кругу других культур либо, наоборот, как узколокальный феномен, до сих пор нет этномузыковедческой работы, посвященной бубну обских угров. Очевидна необходимость исследовать обско-угорский бубен не только как ритуальный, но как звуковой инструмент шамана, что и является целью настоящей статьи. Соответственно, возникают задачи описания его структуры, установления ее влияния на звуковой потенциал инструмента, выявления ритуальных звуковых атрибутов, близких бубну морфологически и функционально.

Важными источниками исследования, помимо упомянутых выше публикаций, являются лексические материалы, зафиксированные в словарях [DEWOS; Соловар 2020; Баландин, Вахрушева 1958; и др.], а также сведения, собранные автором во время экспедиций к хантам и манси [ПМА 1992, 1999, 2003].

1. Определение типа бубна хантов и манси

Согласно Е. Д. Прокофьевой, бубны хантов (за исключением восточных) и манси принадлежат к западносибирскому типу, к нему же относятся бубны тундровых ненцев и энцев. Такие инструменты отличаются небольшим размером, формой рукоятки в виде естественной березовой ветки-развилки с подвесками и отсутствием рисунков на коже [Прокофьева 1961: 446]. Ю. И. Шейкин определяет тип бубнов манси, хантов и лесных ненцев как югорский, отмечая такие важные его особенности, как высокие резонаторные столбики, отсутствие резонаторных прорезей на обечайке, вторая линия обода, наличие погребушечной полости [Шейкин 2002: 80]. Последняя деталь особенно важна для исследования бубна с точки зрения музыкальной этнографии.

Обско-угорский бубен, как и другие сибирские бубны, согласно систематике Э. М. фон Хорнбостеля и К. Закса [Хорнбостель, Закс 1987], относится к классу мембранофонов: односторонний рамный барабан с рукояткой (211.321)¹. Тип рукоятки в данной систематике не учитывается. Ю. И. Шейкин предложил ввести дополнительный индекс (211.331) для барабанов с рукояткой внутри обечайки, к ним относится большинство шаманских бубнов Сибири [Добжанская 2016: 82]. Более детализированной систематике, которая охватывала бы все разновидности рукоятки, нет. Для однозначного понимания этнической и территориальной привязки инструмента будем называть бубен хантов и манси обско-угорским.

2. Названия бубна

Звучность бубна, его способность гудеть и даже петь, быть голосом шамана сказалась на его наименовании. С пением – не обычным, а призывным, экстатичным – связано название бубна у большинства локальных групп обских угров: *kojət*, *kojər* (варианты написания: *койэм*, *куйэм*, *койп*, *куюп*, *коюп* и др.). Впервые на эту связь обратила внимание Е. Д. Прокофьева: «у южных манси и хантов имеется свой термин – *коем*, *коип*, что в буквальном переводе означает “орудие пения”» [1961: 449]. Лексема *kaj*, *kəj* (*кэй*) обозначает ритуальный возглас на жертвоприношении, в начале и в конце медвежьих песен, шаманскую песню для призывания духа [DEWOS: 595–596; Соловар 2020: 226]. Не случайно совпадение слов, обозначающих бубен и токовище боровой птицы у ваховско-васюганских хантов: *kojət*, *kəjət*. Глагол *kejti* (*кэйты*) характеризует состояние экстатического пения: ‘находиться в состоянии транса, блаженства, издавать звуки в такт движению’, а также ‘токовать’ [Соловар 2020: 226]. Очевидна семантическая связь действий шамана, необычными звуками призывающего духов, и движений и звуков токующего глухаря или тетерева, зовущего самку. Осмысление бубна как птицы, представления о роли птицы в шаманстве вообще, о полетах шамана (о чем писала Н. П. Дыренкова в отношении северо-восточной Азии [Дыренкова 2012: 296]) нашло отражение в ритуальной терминологии обских угров.

На севере, у казымских и сынских хантов, известен термин *пензяр*, *пэнцяр*, сходный с названием ненецкого бубна [Прокофьева 1961: 449]. Появление этого термина у ненцев, как и подобных названий у селькупов и других самодийцев, исследователи связывают с основой *пеу* / *пыу*, передающей звук жужжания. В этом случае название маркирует особый гудящий тембр инструмента [Шейкин 2002: 422–423; Добжанская 2009: 93].

¹ Здесь и далее цифрами в круглых скобках обозначены индексы согласно указанной систематике.

3. Морфология обско-угорского бубна

Бубен хантов и манси имеет три основные части, которые присутствуют в бубнах разных народов: обечайку, мембрану и рукоять. В обско-угорском бубне есть также резонаторные столбики-«шишки» и обруч (рис. 1).

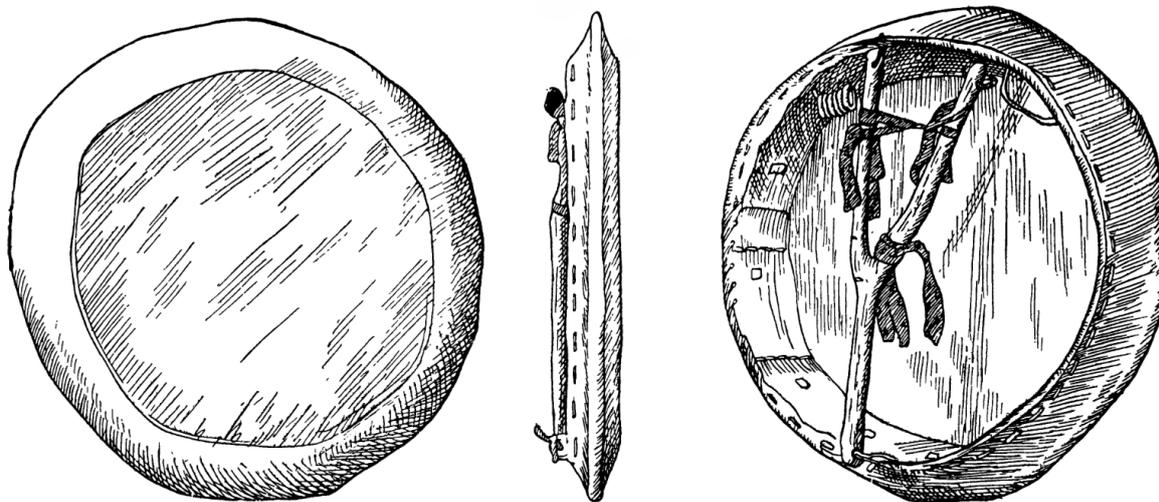

Рис. 1. Хантыйский бубен с цельной У-образной рукоятью [Прокофьева 1961: 477, табл. II, 4]
 Fig. 1. Khanty drum with one-piece Y-shaped handle [Prokofieva 1961: 477, table II, 4]

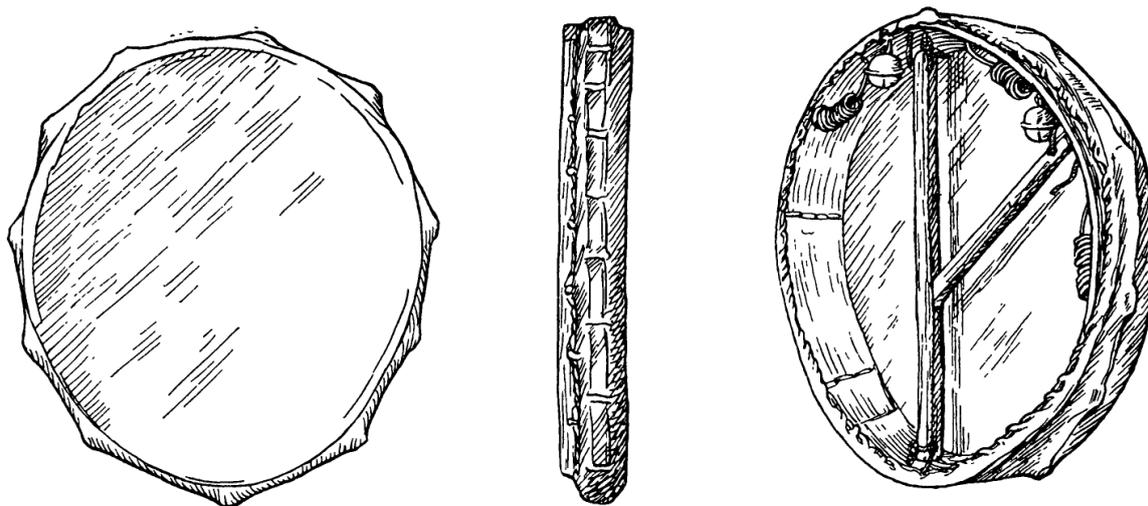

Рис. 2. Хантыйский бубен с составной У-образной рукоятью [Прокофьева 1961: 477, табл. II, 1]
 Fig. 2. Khanty drum with a composite Y-shaped handle [Prokofieva 1961: 477, table II, 1]

Все экземпляры инструментов, известные по полевым и музейным коллекциям, имеют овальную или круглую форму, иногда форму неправильного овала. Последнее может быть вызвано деформацией деревянной обечайки в процессе ее длительного использования и хранения. **Обечайка** делается из березы, ели или пихты. Ее название зафиксировано только у манси: *койп йив* [Источники 1987: 38], букв. ‘бубна дерево’. В обечайку врезаны деревянные резонаторные **столбики** *койп юр* [Там же], букв. ‘бубна зверь (?)’. Их число за редкими исключениями кратно семи: 7, 14 или 21 [Kannisto 1958: 411]. Число «шишек», как правило, прямо пропорционально размерам мембраны: чем больше мембрана, тем больше столбиков. В некоторых экземплярах бубнов столбики имеют форму сустава (рис. 4б, 4в и № 7 в Каталоге), что хорошо согласуется с представлением о бубне как ездовом животном шамана. В то же время слово *юр* в мифологическом контексте означает ‘тритон (земноводное, ящерица)’ [Афанасьева, Собянина 2012: 88]. Насколько сочетаемы столбик-сустав и именование его тритоном / ящерицей? Известно, что во

время камлания шаман перемещался в разные миры. И если в верхний мир его переносил бубен-олень или бубен-лось, а в нижнем, подземном, помогал медведь, то в подводном мире ему тоже нужен был помощник. Такими помощниками, проводниками в (под)водный мир как раз и могли быть мифологические земноводные или тритоны.

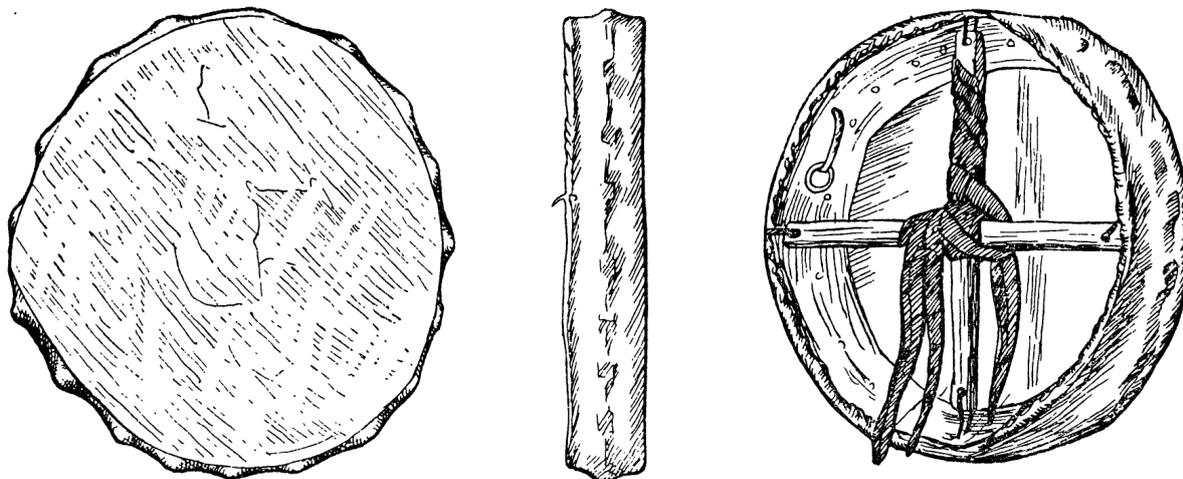

Рис. 3. Хантыйский бубен с крестовидной рукоятю [Прокофьева 1961: 485, табл. X, 3]

Fig. 3. Khanty drum with cross-shaped handle [Prokofieva 1961: 485, table X, 3]

Поверх столбиков вдоль наружной стороны обечайки бубна прокладывается **обод (обруч)**: манс. *койп кисе* ‘внешняя обвязка’ [Источники 1987: 38] (ср. манс. *кис* ‘обруч’ [Баландин, Вахрушева 1958: 37], хант. *кӱсы* ‘обруч, дуга’ [Соловар 2020: 221]). На обод натягивается сырая кожа, которая при высыхании становится **мембраной** – главной звучащей частью бубна. Думается, использование кожи разных животных, включая оленью, лосиную, рыбью и собачью, наряду с названием столбиков – след узкой специализации шаманов, их способности камлать в определенную область мифоритуального пространства.

Размер бубна определяется диаметром его мембраны. У бубнов, представленных в Каталоге, преобладает диаметр 53–58 см, есть экземпляры меньшего (48 x 51) и значительно большего (72 x 82 см) размера. Такое разнообразие размеров может быть связано с обычаем изготовления бубна пропорционально росту силы шамана, как случается у других народов. Об этом же, основываясь на тюрко-монгольских материалах, писала Н. П. Дыренкова: «размеры бубнов значительно колеблются в пределах даже одной народности и даже у одного шамана в различные периоды его жизни» [Дыренкова 2012: 332].

В ряду обско-угорских бубнов выделяются миниатюрные инструменты. Таков *няврем койп* ‘детский бубен’ ляпинских манси, обнаруженный В. Н. Чернецовым в экспедиции 1926–1927 гг. [Источники 1987: 40]. Подобный инструмент описан Е. Д. Прокофьевой: «У казымских хантов бытовали маленькие бубны (*ай пензяр*), являвшиеся точной копией настоящих шаманских бубнов... это были бубны-игрушки» [Прокофьева 1961: 438]. Маленький бубен диаметром 30 см найден нами у манси р. Ляпин [ПИМА 1999: 8 об.]. Все эти инструменты действительно могли предназначаться для знакомства детей с ритуальными атрибутами² – ведь у обских угров есть обычай изготовления миниатюрных копий предметов быта (например, лодок, саней), повторяющих форму настоящих. Также нельзя исключить, что маленькие бубны принадлежали шаманам на начальном этапе их становления.

² Детские бубны известны также у коряков [Хаховская 2016: 317, рис. 1 и 2].

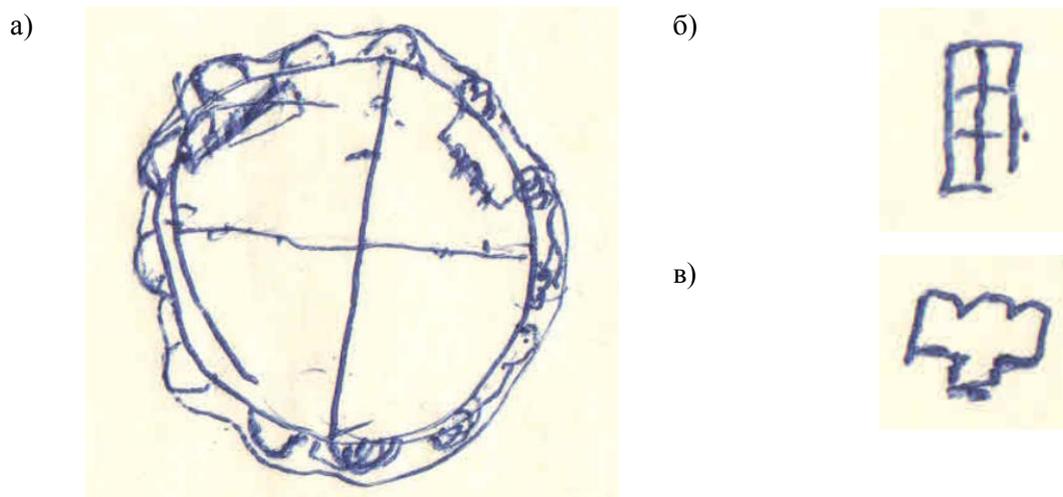

Рис. 4. Бубен верхне-сосвинских манси. Рисунок А-ва М. Н., 60 лет [ПМА 1992, тетрадь 1: 29]

Fig. 4. Drum of the Upper Sosva Mansi. Drawing by M. N. A-v, 60 years old

[Field materials of the author 1992, workbook 1: 29]

Рис. 4а. Внутренняя сторона бубна

Fig. 4a. The inside of the drum

Рис. 4б, 4в. Резонаторный столбик (вид сверху, сбоку)

Fig. 4b, 4c. Resonator post (top view, side view)

Внутренняя часть бубна содержит множество вложенных (прикрепленных, привязанных) предметов. Ими могут быть красные и черные полоски ткани, которыми обматывают рукоять, привязанные к ним бубенчики, колокольчики, а также металлические подвески и кольца, нанизанные на скобы в обечайке. Семантически все эти предметы связаны с представлениями о духах, обитающих в бубне. В то же время соприкосновение металлических подвесок друг с другом, с деревом и кожей создает множество различных шумов и звонов, играющих важную роль в создании звукового пласта шаманского обряда. Подробнее об этом см. п. 4.

Рукоять обско-угорского бубна чаще всего представляет собой цельную естественную развилку (ветку) березы (рис. 1). Она может быть не цельной, а составной (рис. 2), похожей на естественную развилку. Рукоять в виде естественной или искусственной развилки отнесена Е. Д. Прокофьевой к характерным признакам бубнов западносибирского типа [Прокофьева 1961: 446]. В то же время северохантыйские бубны могли иметь крестовидную рукоять (рис. 3, а также №№ 14–16 Каталога). Рукоять-крестовина встречается и у манси, проживающих в верховьях р. Сев. Сосьва (рис. 4а). Тем не менее У-образная рукоять является численно преобладающей, и ее нужно считать более специфичной для обско-угорских бубнов.

Отдельный, но крайне важный для звука бубна предмет – деревянная **колотушка**, обтянутая кожей, обычно оленьей, около 40 см в длину, прямая или слегка изогнутая. Колотушка служит для ударов по бубну (рукой музыкант не стучит) и, вероятно, используется как самостоятельный инструмент для гадания. Известно, что у других народов, в том числе у соседей-селькупов, с помощью колотушки гадали начинающие шаманы [Дыренкова 2012: 317; Нам 2017: 168; Прокофьева 1961: 437; Прокофьева 1981: 48].

Названия колотушки и рукояти стоит прокомментировать особо, поскольку терминов, маркирующих их, немало, и некоторые из них пересекаются. Самый употребительный термин – манс. *няли* ‘ложка’ (*койп няли* ‘ложка бубна’), обозначающий колотушку у манси и шурышкарских хантов. У казымских хантов ему соответствует *нӓл* ‘ручка, рукоятка’ [Соловар 2020: 332]. В верхнелозьвинском диалекте мансийского колотушка обозначена семантически близким словом *мӓнт* ‘лопата’ [Kannisto 1958: 412; Бахтиярова, Динисламова 2016: 62], оно совпадает с названием разливных ритуальных ложек, которые применяются в культовой практике на мансийских святилищах [Гемуев, Сагалаев 1986: 41–44].

Зафиксировано и другое название колотушки, переводимое как ‘стрела’. А. Алквист записал у одборских хантов термин *penšer-ńal* [DEWOS: 1185], букв. ‘стрела бубна’, В. Н. Чернецов в том же значении у манси – *койп нял* [Источники 1987: 38]. Тем же словом обозначил коло-

тушку и наш информант с р. Сыня (инф. А. К. К-ов [ПМА 2003]). К. Ф. Карьялайнен сообщил общее название для лопатки, ложки и колотушки бубна у ваховских хантов – *pālañtiw* [Карьялайнен 1996: 194], Х. Паасонен нашел его на Югане (хант. *paliñtap* [DEWOS: 596]). Совмещение названий ложки и колотушки отмечено также у селькупов [Прокофьева 1981: 47]. В традиции сынских хантов рукоять бубна называют *сеҥкеп* ‘рукоять’ (инф. А. К. К-ов [ПМА 2003]), что в казымском диалекте означает ‘колотушка, молоток’ [Соловар 2020: 517].

Итак, главные названия колотушки ‘ложка’ и ‘стрела’ обозначают предметы, сходные по форме друг с другом и одновременно похожие на колотушку и рукоять бубна. Вероятно, по этой причине стало возможным перенесение названия с бытового предмета на обрядовый и использование одного термина для нескольких предметов.

Разница и сходство названий колотушки и рукояти бубна создают впечатление некоторой путаницы в терминологии, что не случайно. Смешанные названия рукоятки, колотушки, ложки, стрелы говорят не только о локальных различиях и неустоявшемся характере органоэтической лексики, но и о том, что само устройство бубна не столь жестко сформировано. Скорее всего, речь идет о некогда существовавшей функциональной вариативности атрибутов обряда. Благодаря морфологическому родству колотушка и рукоять могли быть взаимозаменяемы. Так было, например, у шорцев, которые в качестве колотушки использовали естественную развилку ветки [Прокофьева 1961: 436–437]. Ложка, лопатка, черпак могли стать инструментом для удара, подбрасывания (в целях гадания), размешивания или употребления ритуальной пищи³. Стрела, с одной стороны, является аналогом колотушки [Нам 2015: 169], с другой – может служить рукоятью бубна. Пример функциональной вариативности – музейный экспонат, фрагмент хантыйского бубна начала XX в. (Каталог, № 22). Сохранилась его обечайка со скобами и вставленная в нее рукоять-стрела, обмотанная тканью. Факт использования стрелы вместо У-образной или крестовидной рукояти очень важен еще и потому, что говорит о причастности стрел к звуковой атрибутике обряда (см. п. 5).

4. Органофония

Характеристика обско-угорского бубна представляет собой сложную задачу. Живая традиция игры на бубне у манси и северных групп хантов давно прервалась, и аудиозаписей на этих территориях, насколько нам известно, сделано не было. Мы можем опираться только на материалы, записанные у восточных хантов. Камлания тромаганского шамана И. С. Сопочина зафиксированы новосибирскими музыковедами в экспедициях 1986–1987 гг.⁴ Некоторые результаты исследований собранного материала опубликованы в работах Р. Б. Назаренко [Назаренко 1988; 1995; 2008] и Ю. И. Шейкина [Шейкин 2002]. Игру на бубне можно услышать и увидеть также благодаря фильму Леннарта Мери «Сыновья Торума» (1989 г.)⁵, который снимался в 1980-х гг. у восточных хантов и посвящен центральному обряду обских угров – медвежьему празднику.

В ритуальном звучании бубна образуется три пласта: гул / гудение (его создают колебания мембраны), звон всевозможных подвесок и шум вложенных предметов. Р. Б. Назаренко к числу фоноопределяющих параметров восточно-хантыйского бубна относит структуру резонатора – его форму, глубину, материал, наличие резонирующих элементов (столбиков, прорезей на обечайке), строение «дополнительной звуковой части» (металлических подвесок на обечайке или рукоятке, поперечного стержня с подвесками, колокольчиками), а также тип рукоятки (подвижная, неподвижная) [Назаренко 1988: 164]. На наш взгляд, качество звучания и окраска звука определяются не только этими параметрами, но и рядом иных.

Факторы звучания обско-угорского бубна можно условно разделить на морфологические, физические и исполнительские. **Морфологические** особенности бубна – размер обечайки

³ У чалканцев колотушку может заменять ложка – при разбрызгивании ритуальных напитков, как гадательный инструмент и как фоноинструмент, имитирующий удары в бубен [Сыченко 2019: 60].

⁴ МЭЭ НГК: 1986 г., Нижневартовский р-н ХМАО – музыковеды Ю. И. Шейкин и Р. Б. Назаренко, писатель Е. Д. Айпин; 1987 г., Сургутский р-н ХМАО – музыковеды Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко и В. И. Киле. Материалы хранятся в Архиве традиционной музыки НГК (коллекции А0046, А0047).

⁵ Фильм есть в открытом доступе: <https://jupiter.ert.ee/1608732760/toorumi-pojad> (на эстонском языке); <https://youtu.be/-kkJT-tNfHc> (на русском языке), дата обращения – 27.05.2024.

и мембраны, наличие обода – во многом определяют характер звука. Благодаря второму ободу югорский бубен имеет две резонаторные полости – большую и малую. Большая полость создается внутренними поверхностями мембраны и обечайки: чем больше ширина обечайки и диаметр мембраны, тем глубже образуемая «чаша» и больше объем резонатора, соответственно – громче и богаче звук, насыщеннее гудение. Малый резонатор возникает между внешней стороной обечайки и кожей, натянутой на дополнительный обод. Обод прокладывается по столбикам, которые сами по себе резонаторами не являются, но поддерживают кожу как распорки и стабилизируют форму резонирующей полости, заполняемой мелкими предметами (дробью, камешками и даже колокольчиками и кольцами [Карьялайнен 1996: 196]). Благодаря ободу «образовывались полости-резонаторы», и бубен «издавал шум подобно детской погремушке» [Прокофьева 1961: 435, 438]. Характерный шум производит малый резонатор, который анатомически представляет собой сосудную погремушку (112.13).

Наличие навесных / подвесных погремушек (112.121) и их количество создает еще одну линию звучания бубна, иногда автономную. Основным методом крепления металлических предметов является нанизывание на скобу – стержень, края которого загибаются и вбиваются в обечайку (112.112). Перемещение по скобе и соприкосновение металлических предметов во время встряхивания бубна и/или ударов по нему создает звонкий гремящий поливысотный звук. Звон исходит и от идиофонов, привязанных к рукояти полосками ткани – колокольчиков (111.242) и бубенчиков (112.13). Они не скользят по скобе, но звенят при малейшем движении. Благодаря этим подвескам хантыйский бубен, в частности на Тромагане, может звенеть и шуметь без контакта с колотушкой: «когда сам шаман или другие участники обряда поворачивают бубен “по солнцу”, звучат только идиофонные погремушки» [Назаренко 1995: 366].

Физические факторы звучания связаны со свойствами материалов, из которых сделан бубен. Основным источником звука – колебания мембраны, возникающие от удара колотушки. Чем больше амплитуда колебаний кожи, тем сильнее вибрация и мощнее звук. На возможности мембраны вибрировать влияет ее термическое состояние. Нагретая кожа становится мягче и слегка растягивается, следовательно, площадь мембраны увеличивается, и она будет колебаться с большей амплитудой, входя в резонанс с обечайкой. Именно поэтому перед камланием и во время него «бубен для лучшей звучности грели над открытым огнем костра, очага» [Прокофьева 1961: 435], это широко распространенная традиция, связанная с улучшением акустических свойств инструмента, достижением нужного тонового напряжения мембраны [Добжанская 2016: 87; Шейкин 2002: 74]. Старые бубны, долго служившие для культовых целей, имеют темный цвет, на их коже видны следы нагрева.

Большую роль в тембровых характеристиках бубна играет материал обечайки (древесина). Бубны, сделанные из березы и ели, резонируют по-разному. Древесина березы, плотная и твердая, резонирует мало, зато дает четкий ясный звук и хорошо отражает звуковые волны, подчеркивая высокие и средние частоты; сустейн (длительность извлеченного звука) у нее короткий⁶. Древесина ели, наоборот, мягкая и легкая, обладает отличными резонирующими свойствами, имеет широкий диапазон частот, усиливает колебания мембраны и продлевает сустейн⁷. Бубен с еловой и пихтовой обечайкой звучит гулко и глубоко. И. С. Сопочин считал лучшим материалом для обечайки сосну, потому что она дает бубну самый красивый звук [Kerezsi 2021: 201].

Исполнительский фактор. Без человека бубен не зазвучит. Шаман, используя разные позиции и меняя положение бубна при игре, управляет звуковым процессом. Во время камлания, описанного Р. Б. Назаренко, шаман был «в сидячем положении, за исключением кульминационного фрагмента обряда (пляска шамана)» [Назаренко 1995: 366]. По ее наблюдениям, инструмент может находиться перпендикулярно туловищу исполнителя (под углом 60°) или параллельно ему, шаман может равномерно двигать бубном из стороны в сторону или вверх и вниз и одновременно отклоняться назад [1995: 366–367].

⁶ По мнению знатоков современного искусства перкуссии, «барабаны из березы часто выбирают рок-барабанщики, потому что... береза помогает достичь более резкого и агрессивного звучания» [<https://pop-music.ru/articles/derevo-dlya-barabanov/>; дата обращения – 14.08.2024].

⁷ [<https://serebrov.com/2015/09/25/porody-dereva-ispolzuyemye-dlya-izgotovleniya-muzykalnyh-instrumentov/>; дата обращения – 14.08.2024]

В фильме Л. Мери аганский шаман Г. В. Покачев исполняет священную песню в сопровождении бубна (время начала эпизода: 00:43:07). Вне камлания он тоже сидит, скрестив ноги и немного покачиваясь. Бубен он держит в правой руке под углом, повернув мембраной к себе (рис. 5а). Заканчивая песню, он поднимается (сначала на колени) и продолжает стучать в бубен, двигая им вверх и вниз (рис. 5б).

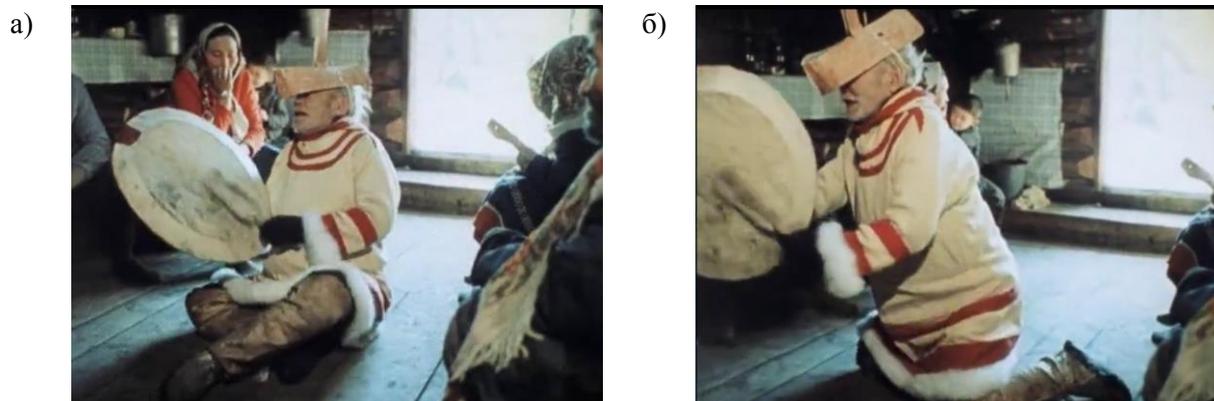

Рис. 5. Г. В. Покачев исполняет песню с бубном на медвежьем празднике.

Кадр из фильма Л. Мери «Сыновья Торума» (1989)

Fig. 5. G. V. Pokachev performing a song with a drum at the Bear Feast.

A still from L. Meri's movie "Sons of Torum" (1989)

Рис. 5а. The main section of the song

Fig. 5а. Основной раздел песни

Рис. 5б. Окончание песни

Fig. 5б. The end of the song

В фильме есть также эпизод мужской пляски (рис. 6), в которой участвует шаман И. С. Сопочин, одновременно играющий на бубне (00:50:11). Довольно быстрые удары в бубен сочетаются с прыжками мужчин. При этом бубен звучит тоже в двух позициях: исполнитель держит его то вертикально перед собой, перемещая вверх и вниз во время прыжка, то под углом.

Рис. 6. И. С. Сопочин играет на бубне во время мужского танца на медвежьем празднике.

Кадр из фильма Л. Мери «Сыновья Торума» (1989)

Fig. 6. I. S. Sopochnin playing a drum during a men's dance at the Bear Feast.

A still from L. Meri's movie "Sons of Torum" (1989)

Медвежьи песни обычно исполняются *a capella*, а танцы сопровождаются струнным инструментом, однако фильм демонстрирует иной вариант: и песни, и танцы исполняются под бубен, причем довольно новый (возможно, сделанный к приезду кинематографистов) и не оснащенный звенящими-гремящими подвесками. В партии бубна используется только техника удара колотушкой. Во время пения хорошо уловимы свободная смена темпа и ритмических фигур, чередование групп ударов – то частых, то редких; во время танца, наоборот, слышны однотипные трехдольные ритмоформулы⁸ и равномерные удары с регулярными акцентами. Все это говорит о хорошо управляемом процессе звукоизвлечения, об опыте исполнителей и намерении использовать бубен в данном случае не как шаманский, но именно как музыкальный инструмент. Таким образом, от мастера-изготовителя и от музыканта-шамана зависит, какой звук будет издавать бубен (резкий, ясно-ритмичный, четкий, гулкий, грохочущий и т. д.) и какое действие на участников обряда и на самого шамана он произведет.

5. Бубен как синтез простых звуковых орудий

Идея Н. П. Дыренковой о возможном совмещении в бубне двух простых звуковых орудий – бубна и рукоятки в форме трещотки [Дыренкова 2012: 320] – была независимо сформулирована также Е. Д. Прокофьевой [1961: 50; 1981: 50–54], а позже поддержана и продолжена в исследованиях Е. В. Нам [2015, 2017] и Г. Б. Сыченко [2019]. Рассмотрение бубна хантов и манси с этой точки зрения также весьма продуктивно.

У-образная рукоять обско-угорского бубна, снабженная звенящими подвесками, очень похожа на систр. Это хорошо заметно на примере старой рукояти, обнаруженной в среднем течении р. Сев. Сосьва отдельно от других фрагментов бубна, принесенных весенней водой (Каталог, № 13) (рис. 7а). По сути такая рукоять – самостоятельное звуковое орудие, стержневая погребушка (112.112).

Систром-погребушкой пользовались вместо бубна корякские шаманы [Шейкин 2002: 60], а у чульмцев, не имеющих бубна, по данным Э. Л. Львовой, погребушка была основным шаманским орудием [Сыченко 2019: 64]. Иными словами, погребушка, подобная рукояти бубна хантов и манси, существует реально в обрядовой деятельности сибирских народов как отдельный шаманский инструмент. По-видимому, систры применялись автономно и в ритуальной практике обских угров. Так, на святилище *Норколн урай* в районе проживания сосьвинских манси найдена аналогичная по форме фабричная вещь, атрибутированная как игрушка [Бауло 2013: 36, 42, рис. 41]. Игрушка (рис. 7б) представляет собой погребушку с колокольчиками и вполне могла использоваться в качестве замены бубну. Это тем более вероятно, что святилище описано как шаманское место.

Внешний (ободочный) резонатор бубна с засыпанными в него мелкими предметами образует еще одно звуковое орудие. Дополнительную полость заметила Е. Д. Прокофьева: «столбики и сарговые полосы дают резонатор» [Прокофьева 1961: 435]. В другой работе она идет дальше, утверждая, что камешки между обечайкой и дополнительным ободком – это элементы инструмента, существовавшего до бубна – какой-то трещотки-жужжалки [Прокофьева 1981: 50–54]. Такая «трещотка» с точки зрения музыкальной органологии представляет собой погребушку сосудного типа (112.13).

Погребушками в составе бубна являются также скобы в обечайке с нанизанными на них кольцами (стержневая), привязанные к лентам на рукояти металлические предметы (шнуровая), среди которых есть и отдельные колокольчики / бубенчики (рамная / сосудная).

⁸ Ритмический рисунок партии бубна очень напоминает мелодию мужского танца, исполняемую на цитре *сауквьлтан* северными манси. Видимо, в таких мелодиях использовались формулы, общие для разных групп обских угров.

а)

б)

Рис. 7а. Рукоять бубна (Каталог, № 13 [Бауло 2024а: 170])

Fig. 7a. Drum Handle (Catalog, no. 13 [Baulo 2024a: 170])

Рис. 7б. Погремушка со святилища Норколн урай [Бауло 2013: 42, рис. 41]

Fig. 7b. The Rattle from the sanctuary Norcoln Urai [Baulo 2013: 42, fig. 41]

Колотушка у многих бубнов представляет собой не простую ударяющую палочку. Прикрепленный к ее концу колокольчик / бубенчик тоже создает подобие систра, а привязанные к ней ленты с металлическими предметами – погремушка шнурового типа.

Если учесть все, что звучит в обско-угорском бубне, включая звенящие и грохочущие части, можно сказать, что он представляет собой комплект фоноинструментов: один простой мембранофон и 4–5 погремушек разных видов. Наличие в бубне составных частей – потенциально самостоятельных звуковых орудий – может говорить об их изначальной, существовавшей до бубна, автономности и вероятном соединении в новом, более сложном инструменте. Анализ бубна хантов и манси подтверждает гипотезу Г. Б. Сыченко, выдвинутую на основе южно-сибирского материала: рукоять бубна «сама является погремушкой, звучание которой в значительной степени усилилось с появлением мощного резонатора – корпуса бубна с мембраной» [Сыченко 2019: 65–66]. Вслед за коллегами, изучавшими шаманские традиции другого этнокультурного региона [Дыренкова 2012: 330; Сыченко 2019: 65], можно предположить позднее происхождение обско-угорского бубна.

6. Бубен, цитра и доска со стрелами

Как показывает морфологический анализ бубна, вполне возможно, что до его появления – во всяком случае, в том виде, в котором он дошел до нас, существовали и другие звуковые атрибуты ритуалов. Бубен точно не был единственным фоноинструментом.

В. Н. Чернецов записал интересное суждение своего информатора: «Сайнахов высказал мнение, что в прежнее время вогулы не имели бубна, так как бубен не упоминался в сказках и песнях» [Источники 1987: 197]. И действительно, в памятниках устного народного творчества обских угров, записанных К. Ф. Карьялайненом, Б. Мункачи, А. Каннисто, гораздо чаще упоминается цитра (хант. *нарэс йӱх*, манс. *сауквылтан*): «Твое семиструнное, со струнами дерево / Настрой, / Твое шестиструнное, со струнами дерево / Настрой!» [Каннисто 2016: 33–34]. Использование хордофонов в качестве обрядовых инструментов, в том числе для шаманских ритуалов, известно в культурах многих сибирских и среднеазиатских народов. В обрядовой практике хантов и манси игра на цитре также неоднократно зафиксирована в XIX–XX вв. Таким образом, физическая возможность замены бубна струнным инструментом существует у обских угров, по меньшей мере, на протяжении двух веков.

В шаманских ритуалах, проводимых в темном помещении (манс. *турман кол*, хант. *пӓтлам хот*) звучала цитра, на ней исполнялись призывные персональные мелодии духов. Есть множество свидетельств, что в паре с ней был еще один фоноинструмент – доска со стрелами (манс.

нял парт), являющаяся коммуникативным средством [Солдатова 2014: 80]. С его помощью – стуком, царапанием – изображали появление духов и передавали их «сообщения» людям. Вот несколько примеров: «шаман кладет металлическую доску на пол, на нее стрелы с железными наконечниками и начинает призывать бога, ударяя этими стрелами по доске» [Гондатти 1888: 13]; «кладут “доску для стрел” (ñāl pārt); для этой цели часто берут доску задней полки. <...> дух-покровитель стучит стрелой по подставке для доски. Если никто больше не придет, дух-покровитель несколько раз скребет стрелой по доске» [Kannisto 1958: 426]; «Если это был бог, чье имя назвали, то в ответ слышался стук, а если нет, то был слышен звук, как будто что-то скребут (“проводят чем-то, будто подчеркивают”))» [Бауло 2024а: 135].

Связки стрел обнаруживаются на святилищах хантов и манси до сих пор, что говорит о доступности (и, следовательно, распространенности) доски со стрелами в качестве звукового атрибута шаманского сеанса. Следы этой традиции есть и в источниках рубежа XIX–XX вв., и в полевых материалах конца XX – начала XXI вв. Все свидетельства о доске со стрелами отмечают и цитру, а вот упоминания бубна чрезвычайно редки. По-видимому, присутствие в обряде цитры и доски со стрелами полностью удовлетворяет потребности шамана в звуковом обеспечении ритуала и поэтому представляется своего рода альтернативой бубну.

Заключение

Особенности строения бубна, наличие в его составе простых, но имеющих самостоятельную функцию звуковых орудий, неустоявшаяся лексика, маркирующая рукоять-держалку и колоушку бубна, возможность совершать ритуал без бубна, отсутствие рисунков на мембране дают основание поставить вопрос о позднем появлении бубна в шаманском инструментарии обских угров. Вполне вероятно, что его появлению предшествовало применение более простых в изготовлении и использовании звуковых орудий. В музыкальном и контекстуальном плане обско-угорский бубен обнаруживает черты сходства с самодийскими, особенно с селькупским. Е. Д. Прокофьева считала возможным «заимствование элементов камлания в темном чуме селькупами и манси от аборигенов территории бассейна Оби и восточного Приуралья, которых застали и селькупы, и манси» [1981: 57]. Возможно, формирование обско-угорского бубна имеет те же истоки.

Сохранившийся до конца XX в. способ звукового изображения духов-покровителей и передачи их сообщений в ритуале с помощью стрел – распространенного и подручного средства охотников и воинов – позволяет осторожно предположить, что бубен и дуэт цитры и доски со стрелами в обрядовой культуре обских угров имеют разные исторические, географические и этнические корни.

Список литературы

- Афанасьева К. В., Собянина С. А. Школьный мансийско-русский (орфографический) словарь. Ханты-Мансийск: РИО ИРО, 2012. 87 с.
- Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 228 с.
- Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бауло А. В. Шаманские бубны северных обских угров (XVIII – начало XXI вв.) // Археология, этнология и антропология Евразии. 2024б. Т. 52 (3). С. 99–109.
- Бауло А. В. Шаманы и ворожеи обских угров (север Западной Сибири, XVII – начало XXI века) / Отв. ред. А. И. Соловьев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024а. 207 с.
- Бахтиярова Т. П., Динисламова С. С. Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. 140 с.
- Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: б. и., 1888. 92 с.
- Добжанская О. Э. Шаманские фоноинструменты самодийских народов: типология в контексте ритуального функционирования // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 92–104.

Добжанская О. Э. Шаманский бубен: музыкальный инструмент или ездовой олень шамана? // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 2 (12). С. 81–90.

Дыренкова Н. П. Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: Ст. и этногр. матер. СПб.: Наука, 2012. С. 277–339. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI)

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

[Каннисто А.] Мансийская (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы. Собрание и перевод А. Каннисто. Обработка и издание М. Лиимола / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз., паспортиз. текстов Е. И. Ромбандеевой. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. 152 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Перевод с нем. Н. В. Лукиной: в 3-х тт. Т. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 247 с.

Назаренко Р. Б. Музыкальные инструменты народов Сибири в музейных коллекциях (опыт типологии шаманских бубнов) // Музыкальная этнография Северной Азии / Отв. ред. Ю. И. Шейкин. Новосибирск, 1988. С. 161–169.

Назаренко Р. Б. О шаманском бубне сургутских хантов // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Междунар. науч. конф. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Новосибирск, 1995. Т. 1. Филология. С. 365–367.

Назаренко Р. Б. Напевы шаманских песен и шаманских сеансов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов / Отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск: Арта, 2008. С. 98–103.

Нам Е. В. Шаманские атрибуты народов Сибири: истоки семантического единства и полифункциональности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2 (87). С. 165–172.

Нам Е. В. Космология и практика сибирского шаманизма / науч. ред. Д. А. Функ. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017. 296 с.

Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–490.

Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.

Солдатова Г. Е. Музыкальный фольклор в шаманской практике манси // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 1. С. 76–82.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): более 9000 слов / Под ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 690 с.

Сыченко Г. Б. «Только с бубном можно до Тьяжина дойти...» (фоноинструменты в шаманских традициях Южной Сибири) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 57–69. DOI: 10.26158/ТК.2019.20.4.005

Харовская Л. Н. Корякские бубны: бытование в этнолокальной культуре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 315–327.

Хорнбостель Э. М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. Ч. 1. С. 229–261.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1988. 1024 pp.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Gesamm. von Artturi Kannisto. Bearb. und hrsg. von E. A. Virtanen, M. Liimola. Hels., 1958. 443 p. (MSFOu; Bd. 113).

References

- Afanas'eva K. V., Sobyantina S. A. *Shkol'nyy mansiysko-russkiy (orfograficheskiy) slovar'*. [School Mansi-Russian (orthographic dictionary)]. Khanty-Mansiysk, Institute for Education Development, 2012, 87 p. (In Mansi, in Russ.)
- Bakhtiyarova T. P., Dinislamova S. S. *Mansiysko-russkiy slovar' (verkhne-loz'vinskiy dialekt)* [Mansi-Russian dictionary (Verkhne-Lozvinsky dialect)]. Tyumen', FORMAT Publ., 2016, 140 p. (In Mansi, in Russ.)
- Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. *Mansiysko-russkiy slovar'* [Mansi-Russian dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz publ., 1958, 228 p. (In Mansi, in Russ.)
- Baulo A. V. Shamanskie bubny severnykh obskikh ugrov (XVIII – nachalo XXI vv.) [Shamanic drums of the Northern Ob-Ugrians (XVIII – early XXI cc.)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2024, vol. 52 (3), pp. 99–109. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2024.52.3.99-109> (In Engl., in Russ.)
- Baulo A. V. *Shamany i vorozhei obskikh ugrov (sever Zapadnoy Sibiri, XVII – nachalo XXI veka)* [Shamans and witches of the Ob-Ugrians (North of Western Siberia, XVII – beginning of XXI cent.)]. Ed. by A. I. Solov'ev. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2024, 207 p. (2024 a) (In Russ.)
- Baulo A. V. *Svyashchennyye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskiy al'bom* [Sacred places and attributes of northern Mansi in the beginning of XXI century: Ethnographic album]. Khanty-Mansiysk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2013, 208 p. (In Russ.)
- DEWOS = Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin, Akademie Verlag, 1966, 1024 pp.
- Dobzhanskaya O. E. Shamanskie fonoinstrumenty samodiyskikh narodov: tipologiya v kontekste ritual'nogo funktsionirovaniya [Shamanic phono-instruments of Samoyedic peoples: typology in the context of ritual functioning]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2009, no. 3, pp. 92–104. (In Russ.)
- Dobzhanskaya O. E. Shamanskiy buben: muzykal'nyy instrument ili ezdovoy olen' shamana? [Shamanic drum: musical instrument or riding deer of a shaman?]. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, 2016, no. 2 (12), pp. 81–90. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Atributy shamanov u turetsko-mongol'skikh narodov Sibiri [Attributes of shamans in the Turkish-Mongolian peoples of Siberia]. In *Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya: Stat'i i etnograficheskie materialy* [Türks of Sayano-Altai: articles and ethnographic materials]. SPb., Nauka, 2012, pp. 277–339. (KA Series, VI) (In Russ.)
- Gemuev I. N. *Mipovozzpenie mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of Mansi: Home and Cosmos]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 232 p. (In Russ.)
- Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people. Cult places (XIX – beginning of XX century)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 192 p. (In Russ.)
- Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* [Traces of paganism among aboriginals of North-Western Siberia]. Moscow, 1888, 92 p. (In Russ.)
- Hornbostel E. M. von, Sachs K. *Sistematika muzykal'nykh instrumentov* [Systematics of musical instruments]. In *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk musical instruments and instrumental music]. Moscow, 1987, pt. 1, pp. 229–261. (In Russ.)
- Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia]. Tomsk, Tomsk University Press, 1987. 284 p. (In Russ.)
- [Kannisto A.] *Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: teksty mifologicheskogo sodержaniya, molitvy. Sobranie i perevod Artturi Kannisto. Obrabotka i izdanie Matti Liimola* [Mansi (Vogul) folk poetry: texts of mythological content, prayers. Collection and translation by A. Kannisto. Pro-

cessing and edition by M. Liimola]. Compil., translit. of texts, translation into Russian by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir Khanty-Mansiysk Publ. House, 2016, 152 p. (In Mansi, in Russ.)

[Kannisto A.] *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Gesamm. von Artturi Kannisto. Bearb. und hrsg. von E. A. Virtanen, M. Liimola. Hels., 1958, 443 p. (MSFOu; Bd. 113).

Karjalainen K. F. *Religiya yugorskikh narodov. Perevod s nemetskogo N. V. Lukinoy* [Religion of the Yugra peoples. Translation from German by N. V. Lukina]. Vol. 3. Tomsk, Tomsk University Press, 1996. 247 p. (In Russ.)

Khakhovskaya L. N. Koryakskie bubny: bytovanie v etnolokal'noy kul'ture [Koryak drums: existence in ethnocultural culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2016, no. 2, pp. 315–327. (In Russ.)

Nam E. V. *Kosmologiya i praktika sibirskogo shamanizma* [Cosmology and practice of Siberian shamanism]. Ed. by D. A. Funk. Tomsk, Tomsk University Press, 2017. 296 p. (In Russ.)

Nam E. V. Shamanskije atributy narodov Sibiri: istoki semanticheskogo edinstva i polifunktsional'nosti [Shaman attributes of the peoples of Siberia: the origins of semantic unity and polyfunctionality]. *Izvestiya of Altai State University*, 2015, no. 3/2 (87), pp. 165–172. (In Russ.)

Nazarenko R. B. Muzykal'nye instrumenty narodov Sibiri v muzeynykh kollektsiyakh (opyt tipologii shamanskikh bubnov) [Musical Instruments of the Peoples of Siberia in Museum Collections (Experience of Shaman Drums Typology)]. In Yu. I. Sheykin (Ed.) *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk, 1988, p. 161–169. (In Russ.)

Nazarenko R. B. Napevy shamanskikh pesen i shamanskikh seansov [Tunes of shaman songs and shaman rites]. In G. E. Soldatova (Ed.) *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri* [Traditions and innovations in the modern folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Arta Publ., 2008, pp. 98–103. (In Russ.)

Nazarenko R. B. O shamanskom bubne surgutskikh khantov [About shaman's drum of Surgut Khanty]. In *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur Novosibirsk (Akademgorodok), 26–30 iyunya 1995 g.* [Proceedings of the International scientific conference “Aborigines of Siberia: problems of studying disappearing languages and cultures, Novosibirsk (Akademgorodok), June 26–30, 1995”]. Novosibirsk, 1995, vol. 1 (Philology), pp. 365–367. (In Russ.)

Prokof'eva E. D. Materialy po shamanstvu sel'kupov [Materials on shamanism of the Selkups]. In *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri* [Problems of the history of social consciousness of Siberian aborigines]. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 42–68. (In Russ.)

Prokof'eva E. D. Shamanskije bubny [Shaman drums]. In *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 435–490. (In Russ.)

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative-historical study]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 718 p. (In Russ.)

Soldatova G. E. Muzykal'nyy fol'klor v shamanskoj praktike mansi [Musical folklore in the shamanic practice of Mansi]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous people of Siberia], 2014, no. 1, pp. 76–82. (In Russ.)

Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt): bolee 9000 slov* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect): more than 9000 words]. Novosibirsk, SB RAS, 2020. 690 p. (In Khanty, in Russ.)

Sychenko G. B. «Tol'ko s bubnom mozjno do T'azhina doyti...» (fonoinstrumenty v shamanskikh traditsiyakh Yuzhnoy Sibiri) [“Only with a drum you can reach Tyazhin...” (phono-instruments in the shamanic traditions of South Siberia)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2019, no. 4, pp. 57–69. DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.005 (In Russ.)

Список сокращений

- инф. – информант
Каталог – Каталог шаманских бубнов (Приложение 2) [Бауло 2024а: 158–203]
МЭЭ – музыкально-этнографическая экспедиция
НГК – Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
об. – оборот
ПМА 1992 – Полевые материалы автора. МЭЭ НГК: Е. В. Комаров, Г. Е. Солдатова, 1992 г., с. Хулимсунт Березовского р-на Тюменской обл. Дневник Г.Е. Солдатовой.
ПМА 1999 – Полевые материалы автора. ПрЭО: А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова, 1999 г., Березовский р-н Тюменской обл. Дневник Г. Е. Солдатовой.
ПМА 2003 – Полевые материалы автора. ПрЭО: А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова, 2003 г., Шурьшкарский р-н Ямало-Ненецкого АО. Дневник Г. Е. Солдатовой.
ПрЭО – Приполярный этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
11.11.2024*

Сведения об авторе

Галина Евлампьевна Солдатова – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: ge.soldatova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the Author

Galina E. Soldatova – Cand. of Art history, leading researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: ge.soldatova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1421-6075